

Сцена

Традиции в созвучии с современностью

О самой опере поговорим после премьеры, сегодня лишь заинтригуем читателя парой слов о её истории.

Сначала появилась одноимённая пьеса, написанная королём парижской драматургии Викторьеном Сарду для царицы среди актрис Сары Бернар, признанной на стыке XIX и XX столетий самой известной актрисой мира. Говорят, Бернар была великолепной Флорией Тоска и имела умопомрачительный успех. Пуччини, посетив пьесу, тут же поручает помощникам переговоры с Сарду о праве написать по ней оперу. Эта же просьба поступила Сарду от Джузеппе Верди и Альберто Франкетти, причём последний разрешение уже получил и даже приступил к творчеству. Однако мастерство переговорщиков Пуччини принесло победу ему, и 14 января 1900 года премьера «Тоски» состоялась, а в веке XXI сие творение, наконец, добралось до Магнитогорска и обещает стать одной из самых громких премьер театра. Хотя бы потому, что её создателем выступил оперный режиссёр из Санкт-Петербурга Дмитрий Отяковский.

Он молод – 30 исполнится только в будущем году, но уже очень известен, причём не только в узком кругу специалистов. Он хочет сделать оперу доступной широкому кругу зрителей, в том числе молодых, и при этом считает, что в творчестве обязательно должны быть проекты, понять и оценить глубину замысла которых смогут лишь единицы, и именно они, а не популярные постановки помогают держать себя во внутреннем тонусе. Наконец, он профессиональный оперный режиссёр, окончивший с отличием Санкт-Петербургскую консерваторию как режиссёр музыкального театра, а до этого получил красный диплом вокального отделения Краснодарского музыкального колледжа. Совершенствовал знания в высшей школе режиссёров и сценаристов на Ленфильме, прошёл стажировку в немецкой опере на Рейне в Дюссельдорфе. Победил в конкурсе молодых оперных режиссёров в Маринском театре, был принят на работу в этот храм оперного искусства, получил ещё несколько побед в престижных конкурсах, ставит спектакли на разных площадках мира, в том числе виртуальных. Впрочем, пусть Дмитрий расскажет об этом сам.

– Ещё в 2011-м, поступая в консерваторию, точно знал, что сниму фильм-оперу, – начинает разговор. – Вдохновляли великие мастера этого жанра Франко Дзефирелли, Роман Тихомиров, которые смогли сделать его чрезвычайно популярным. Кстати, есть сведения, что опыт первых киносъёмки в истории – это как раз съёмки опер. Встреча гиперреализма и записи всегда интересна. Сегодня, к сожалению, жанр фильма-оперы исчез. В консерваторию поступал одновременно на режиссёрское отделение, студентом которого стал, и на вокальное, не пройдя даже во второй тур. Но меня приняли в академии молодых певцов Маринского театра, и огромное спасибо Ларисе Абисаловне Гергиевой, что поверила в меня и дала возможность получить бесценный опыт. Выступал в академии в разных ипостасях: артист хора, ансамбля, солист, ездил на гастроли, ставил спектакли, концерты. Это была важная школа, в которой побывал по обе стороны режиссёрского пульта, видел, как работают режиссёры с мировым именем, и получил опыт того, как это делать нужно и не нужно. Потому что один режиссёр в двух-трёх словах может объяснить

Дмитрий Отяковский

© Евгений Рухмалёв

В Магнитогорском театре оперы и балета грядёт очередная громкая премьера – опера Джакомо Пуччини «Тоска» (16+) в постановке Дмитрия Отяковского

певцам задачу, и они её выполняют, а другой с теми же людьми тратит полдня – и ничего не получается. Или когда, как артист, вызванный на репетицию, просидел восемь часов и ни разу не вышел на сцену, то, став режиссёром, понимаешь, что к артистам нужно относиться с уважением и вызывать продуманно и адресно. Так вот, о мечте снять фильм-оперу. Девять лет я покупал оборудование, договаривался с певцами, – словом, откладывал. Но наступила пандемия, и понял, что больше откладывать некуда. Снял фильм-оперу – на мобильный телефон (*смеётся*). Это первая международная скринлайф-опера, записанная в условиях самоизоляции, в которой участвовали музыканты России, Германии, Франции и Италии, а собранные средства направлены на помощь оперным фрилансерам, оставшимся без средств к существованию, когда закрылись все театры мира. Для воплощения выбрал одноактную оперу Цезаря Кюи «Пир во время чумы», и это тоже очень показательно: что делали люди во время самоизоляции? Попытались облегчить своё существование в закрытом пространстве вкусной едой и общением! Солисты исполняли свои партии, находясь дома в разных странах, темп и ритм поддерживали благодаря записанному отдельно сопровождению рояля и дирижёру, которого также записали и выводили на экран для певцов. В середине ноября в Питере получил национальную оперную премию «Онегин» за «Пир во время чумы». Опыт незабываемый, конечно.

– И очень успешный, учитывая, что «настоящую» оперу увидеть этим летом было невозможно, ибо все театры закрыты. А когда мир вернётся к привычной жизни, снова появится возможность записи оперных спектаклей. Может, потому жанр фильма-оперы и исчез?

– Нет, это разные вещи. Мне интересна именно опера для экрана, которая не «стесняется» того, что она именно такая. Видеосъёмка спектаклей, которыми сейчас на-

воднён Интернет, – это специфический продукт, нужный для знакомства с постановкой и её рекламой. Но истинный любитель оперы скажет, что спектакль – это прийти в театр, пропитаться его атмосферой, увидеть оркестр, ощутить запах кулис и так далее. А фильм-опера – особый жанр, раскрытый тем же Дзефирелли в полной мере. В нынешних условиях пандемии должен появиться интересный новому зрителю контент. С современным композитором Рустамом Сагдиевым сделал так называемую оперу дополненной реальности «Грехопадение», которая существует в виде мобильного приложения. Презентовали её в Питере на фестивале «Старуха»: зрители получали лист бумаги таргет, наводили на него телефоны с установленным приложением и видели объёмную картинку, с которой они могли взаимодействовать, – такая интерактивная виртуальная опера. Далее был проект «Тихий город», в котором исследовали, как могут звучать водные артерии Петербурга: на мостах повесили таблички с кьюардом, и прохожие могли, скачав приложение, увидеть сюрреалистические объекты... Всё это показывает, что опера – не застывший жанр и что не только перепридумывание уже существующих, но и создание новой оперы и связанных с ней жанров очень важно для того, чтобы опера жила и продолжала волновать людей. Все говорят: опера – царица искусств, и это действительно так, она сочетает в себе музыку, живопись, скульптуру, актёрское мастерство... Но корона-то бутафорская, потому что всех нас классе в девятом однажды травмировали походом на того же «Евгения Онегина», где двухсоткилограммовая Татьяна что-то скудно вопила со сцены, навсегда отбив желание ещё когда-нибудь соприкоснуться с оперой. А мы с замечательным баритоном Сергеем Лейферкусом сделали скринлайф-оперу «Скупой рыцарь», и это тоже был уникальный проект, поскольку он находился в Португалии, одни солисты в Москве, другие в Питере, и мы онлайн снимали эту

историю. В соцсети, поддерживавшей проект, было больше 136 тысяч просмотров, из которых только полторы-две тысячи имели отношение к ценителям классической музыки, остальные зрители прикоснулись к ней впервые. И, пожалуй, самый дорогой комментарий для меня был: «Я не понимаю, что здесь происходит, но мне это очень нравится». Стремилось всеми силами к тому, чтобы продвинутый молодой человек, переключая каналы, вдруг наткнулся на вагнеровское «Кольцо Нибелунгов» со спецэффектами на уровне «Звёздных войн» – и сначала присмотрелся, потом прислушался, впечатлился и пришёл в театр на классическую оперу. Вы, например, знаете, что традиции одевать певцов оперного спектакля в исторические костюмы не так много лет? Да, раньше, когда актёры на сцене были в париках, то и в зале сидела публика в таких же париках. И никого не смущал ни французский язык в операх с африканским сюжетом, ни несоответствие возраста, веса, расы и прочих особенностей актёра и исполняемой им роли. Опера – самое толерантное искусство, настолько условное, что эта условность побеждает всё. Поэтому для меня нет спектаклей современных и несовременных, а есть интересные и неинтересные. То, что люди на сцене одеты в исторически правильные костюмы, не гарантирует, что спектакль будет хорошим. Но многие, увидев на афише Иоланту в джинсах, пугаются и не покупают билет. Пишет ли Татьяна письмо Онегину гусиным пером или отправляет СМС, если это сделано талантливо, замысла Чайковского не изменит. Говорю это не просто так – видел гениальную постановку «Евгения Онегина» режиссёра Даниила Дмитриева, где впервые в жизни до тонкостей понял, о чём на самом деле сцена письма Татьяны. Он вывел на экран содержание смартфона, и 17-летняя девчонка прыгала на кровати, писала сообщение, стирала его, собиралась отправить фото, но не отправляла, исследовала все лайки и комментарии, в том числе от Ольги на странице Евгения –

я, как и сотни молодых людей, в этот момент до мурашек прочувствовал Татьяну.

– Не боитесь слишком увлечься?

– Нет. Более того, в современном мире синтез и взаимопроникновение видов искусства – единственный способ создать что-то оригинальное. Если учиться только одной профессии и не использовать опыт смежных и даже далёких от основной деятельности областей, очень скоро может оказаться, что знания не актуальны. Мир так быстро меняется! Десять лет назад мы не знали, что такое Инстаграм, тридцать – что такое мобильный телефон, а сейчас каждый день десятки новых форматов и проектов, которые просто переворачивают мир и задают новые правила игры. И если говорить о том, что опера – не застывшая форма концерта в костюмах, изъеденных молью, а развитие и движение, тогда, думаю, выход как раз в том, чтобы суметь использовать многое, поставив это многое на службу основному. Не знаю, симфоническая музыка в сочетании с подводным плаванием! Или опера и авиация: то же «Путешествие из Петербурга в Москву» начать в Пулковке и закончить в Шереметьево, пройдя по следам героев, исполняя партии в самолёте а капелла? Тем более, что театры сегодня можно заполнять на четверть, а самолёты – на сто процентов, так что это ещё и выгодно (*улыбается*). Может, это окажется хулиганством, но историю музыки, театра всегда двигал эксперимент, и если это запретить, недофинансировать, зажать в рамки, не дать свободу творчеству, то, к сожалению, всё быстро закончится. Дай право – пусть даже на ошибку, и может получиться что-то стоящее.

– Даже боюсь спросить, какую магнитогорцам ждёт «Тоску» в вашей постановке?

– (*Улыбается*.) Успокою любителей джинсов в опере: шьются замечательные исторически корректные костюмы, декорации перенесут нас и в палатку, и в собор, и на крышу тюрьмы. Тем интереснее мне придумать фишечки, которые помогут сделать людей на сцене живыми, животрепещущими и чувствующими. Марио Каварадосси, как пишут учебники, пламенный революционер, но на самом деле он ратует за то, чтобы Италия оставалась под игом Наполеона. Или Скарпиа – тоже довольно интересная фигура, выступающая на стороне независимости Италии: ведь он переживает драму, сравнимую, а может, и превосходящую драму Каварадосси, ведь последний любим. Моя задача – расплести эту паутину, на которую, кроме сюжета, наложены творческие и идеологические переосмысления «Тоски», и снова явить миру то, что хотел сказать композитор. При этом продемонстрировав и собственную точку зрения: художнику нельзя заниматься политикой, ведь для человека, мыслящего категориями прекрасного, война и кровь – понятия абстрактные. Технические «штуки» применять, конечно, буду, и здесь хотел бы сказать огромное спасибо руководству и коллективу театра: люди выкладываются на сто процентов, с пониманием относятся даже к самым неожиданным предложениям режиссёра. Они очень талантливы, у всех горят глаза. Для меня понятие провинциальности театра – не про географию и число кресел в зале. Это – про желание развиваться. Так вот, Магнитогорский театр оперы и балета в стремлении развиваться соответствует высшим мировым стандартам.

Рита Давлетшина